

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Мужчина не должен презирать женщину, которой он платит. История полна примеров, когда короли, рыцари и поэты уважительно относились к падшим женщинам.

Чингиз Абдуллаев

Выстрел
на Рождество

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Выстрел на Рождество

Серия «Дронго», книга 72

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180952
Выстрел на Рождество: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30954-2*

Аннотация

В шотландском замке, который купил русский олигарх, в ночь на Рождество убили красавицу-фотомоделю. Полиция сразу арестовала ее бойфренда, ведь все улики указывали на него: парень поругался с погибшей, и на пистолете нашли отпечатки его пальцев. При этом у каждого из гостей оказалось стопроцентное алиби. Но подозреваемый стал упорно отрицать свою вину. Полицию он не убедил, но убедить Дронго ему все же удалось. И эксперт-аналитик решил как следует разобраться в семейных отношениях олигарха...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	47
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чингиз Абдуллаев

Выстрел на Рождество

«Стало быть, среди всех остальных испорченностей самая безобразная – это испорченность души, она безмерно, чудовищно превосходит остальные вредом и злом».

Сократ

«В народе, и весьма вероятно, не в одном народе, а во всех, какие есть на свете, поскольку речь идет о зле всеобщем и вселенском, – говорят, что беды под ногами растут».

Жозе Сарамаго. «Евангелие от Иисуса»

Глава 1

Он понимал, что проигрывает. У него оставались последние ресурсы, и он все еще пытался хоть как-то защититься, но противник неумолимо приближался к своей победе. Дронго улыбнулся – кажется, уже ничего не сможет его спасти. Он сделал еще один ход.

– У тебя фантастическая способность защищаться до последнего, – пробормотал Эдгар Вейдеманис, – уже понятно, что ты все равно проиграешь.

– Да, – добродушно согласился Дронго, – но я все еще

пытаюсь спастись даже там, где почти не осталось никаких шансов. Не люблю капитулировать, предпочитаю сражаться до последнего.

– В расчете на мою ошибку?

– Нет, в расчете на мое умение выкручиваться из сложных ситуаций. Может, я успею еще придумать сильный ход, который приведет меня к ничьей.

– Ничего ты не придумаешь, – твердо сказал Вейдеманис, – поразительно, что с такой безупречной логикой, как у тебя, ты так часто мне проигрываешь. Хотя все должно быть наоборот. Ты у нас гениальный сыщик, а я всего лишь твой помощник.

– Ага. Привычная пара. Проницательный Шерлок Холмс и незадачливый доктор Ватсон. Только не все так однозначно, дорогой Эдгар. Если бы игра в шахматы была связана только со способностью разгадывать самые сложные преступления, то тогда Гарри Каспаров или Анатолий Карпов давно бы переквалифицировались в частных детективов.

– Сразу заметно, как ты отстал от жизни, – пробормотал Эдгар, – они уже давно не чемпионы. Сейчас лучше играют Крамник, Ананд, Топалов. Новое поколение.

– Учту. Кажется, у меня остался последний ход. Придется сдаваться. Ты опять победил.

Вейдеманис поднялся. Они были почти одинакового роста. Оба высокие, подтянутые, уже не очень молодые. Общим было далеко за сорок. Они дружили много лет, и почти

во всех расследованиях Дронго последних лет ему помогал Эдгар Вейдеманис, который переехал в Москву больше пятнадцати лет назад и получил российское гражданство после распада Советского Союза.

Раздался телефонный звонок, и мужчины обернулись, глядя на телефон.

– Ты ждешь звонка? – спросил Эдгар.

– Нет, – ответил Дронго, – с Джил я говорил сегодня утром. У них все нормально. Своего водителя я уже отпустил. Не представляю, кто это может звонить.

После четвертого телефонного звонка включился автоответчик, который сообщил, что хозяина нет дома и позволивший может оставить свое сообщение. Они слушали, кто именно начнет говорить. И услышали незнакомый голос.

– Добрый вечер. Извините, что я решил позвонить сразу к вам. Мне дал ваш телефон наш общий знакомый – Николай Батиашвили. Он предупредил меня, что вы не подходите к телефону и нужно оставлять свое сообщение. Меня зовут Игорь Дегтярев. Я бы очень хотел с вами встретиться. По важному делу. По чрезвычайно важному делу. Я знаю, как вы заняты и как неохотно встречаетесь с чужими людьми. Но это абсолютно особый случай. Уверяю вас, что не стану бесцельно отнимать ваше время. Я прошу вас принять меня хотя бы на полчаса. Я продиктую свой мобильный телефон, и вы сможете позвонить, когда вам будет удобно. Только учтите, что через два дня я улетаю в Англию и меня уже не будет

в Москве. Спасибо. Номер моего телефона, – он продиктовал номер и положил трубку.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Тот пожал плечами.

– Между прочим, Николай Батиашвили стал в прошлом году послом Грузии в Великобритании, – напомнил Эдгар, – а позвонивший сказал, что собирается туда лететь через два дня. Может, он дипломат?

– Не знаю, – ответил Дронго, – странно, что не позвонил сам Николай. Он бы мог меня предупредить об этом телефонном звонке. Ты же знаешь, какие щепетильные в этом вопросе грузины. Он бы не дал мой телефон кому попало. Но он не перезвонил мне, чтобы предупредить о звонке Дегтярева. Тогда у меня сразу появляются дополнительные вопросы. Почему он не перезвонил мне. Он забыл? На дипломата это не похоже. Он намеренно не позвонил? Возможно. Но тогда почему? Может, нам ему самим перезвонить? Сколько сейчас времени? Уже восьмой час. Значит, в Лондоне сейчас только пятый. Удобное время, чтобы связаться с послом.

– Будешь ему звонить?

– Конечно. Мне нужно узнать, кто такой этот Дегтярев. Хотя я, кажется, где-то недавно слышал эту фамилию.

– Выяснится, что он известный преступник или российский олигарх, – усмехнулся Вейдеманис, – тогда ясно, почему грузинский посол не хочет иметь ничего общего с этим человеком. Ты же знаешь, какая обстановка сейчас в Гру-

зии. Любого человека, который встречается с российскими дипломатами, сразу объявляют либо шпионом Москвы, либо «человеком влияния» северного соседа.

– Ты в курсе, как именно я отношусь к Грузии, – пробормотал Дронго, – и бабушка у меня грузинка. Но их маниакальная подозрительность по отношению к соседям, и не только к России, их нежелание и неумение признавать очевидные реалии меня уже давно беспокоят. Они даже не осознают, что остались каким-то опереточным народом, который словно все время играет на театральных подмостках. Они никак не хотят стать взрослыми.

– А может, не могут?

– Обидно. Народ с такой культурой, с таким интеллектом, с такой историей. А ведут себя как дети, которые назло бабушкам «морозят свои уши». Причем все – от Президента до лидеров оппозиции. Они не понимают, что дело не только в северном соседе, что причины их неудовлетворенности и мнительности нужно искать в самих себе, изживая свои комплексы и фобии. Давай телефон, я позвоню Николаю и узнаю, что такой Дегтярев.

Он взял аппарат и набрал привычный номер по памяти. Код Великобритании и Лондона он хорошо знал, а номера телефонов почти никогда не записывал, так как запоминал почти все, которые ему были нужны. И он сразу услышал знакомый голос Николая Батиашвили.

– Добрый день, батано Николай, – весело начал Дронго, –

как вы поживаете? После солнечной Греции, где вы были послом, попасть в холодную Великобританию...

– Здравствуй, дорогой, – обрадовался Батиашвили, – у нас здесь прекрасная теплая погода. Настоящая весна, хотя сейчас только начало марта. Говорят, что эта зима была самой теплой за последние сто лет.

– Это из-за твоего приезда, – предположил Дронго. – Как у тебя дела? Что нового?

– Спасибо. Все в порядке. Как у тебя дела? Где ты сейчас? В Москве, в Баку или в Риме?

– В Москве. И поэтому решил тебе позвонить. Ко мне обратился некто Дегтярев. Игорь Дегтярев. Он говорит, что номер моего телефона дал ему именно ты...

Посол молчал. Дронго нахмурился:

– Алло, ты меня слышишь?

– Да, слышу.

– А почему так долго молчишь? Или молчание, как всегда, золото?

– Ты умный человек, сам должен все понимать, – неожиданно произнес Николай, – не будем говорить об этом по телефону.

– Понятно. Но ты его знаешь?

– Посмотри английские газеты. На Рождество и немного позже. Там все написано. Но ты ему можешь доверять. Он неплохой человек, хотя и попал в очень сложную ситуацию.

– Я все понял. Успехов тебе, Николай.

– И тебе тоже. Извини, что так с тобой разговаривал. Ты почитай газеты и все поймешь. В Интернете найдешь все подробности.

Дронго опустил руку. Эдгар испытующе взглянул на него.

– Что-то неприятное?

– Судя по всему, да. Он не хочет даже разговаривать, хотя говорит, что Дегтяреву я могу доверять. Предлагает мне просмотреть английские газеты сразу после Рождества. Наверно, в них были сообщения об этом человеке.

– Интересно, – кивнул Вейдеманис. – Посмотрим вместе?

– Давай, – согласился Дронго, – выясним, кто это такой, почему он звонит и почему так странно ведет себя наш друг посол.

Они перешли в кабинет, чтобы включить компьютер и просмотреть старые подшивки английских газет за конец декабря прошлого года. Преимущество Интернета было не только в том, что можно было найти практически любую статью, вышедшую в английской печати, но и в поисковых системах, которые предлагали автоматический поиск, сразу выдавая все статьи на ту или иную тему во всех британских газетах.

Уже через полчаса они читали статьи о трагедии, происшедшей в семье Дегтяревых. На прошлогоднее Рождество семья решила собраться в замке, который они купили и успели отреставрировать. Замок был старый, но не представлял собой особой архитектурной или исторической ценности.

Дегтяревы купили его за шесть миллионов фунтов и примерно столько же вложили в его реконструкцию. Замок был построен в местечке Гоффорд, к юго-востоку от Эдинбурга.

Рядом находились дома и поселения соседей, многие из которых предпочитали отмечать Рождество в кругу семьи и не очень хорошо относились к новым владельцам замка. Трагедия произошла прямо в день Рождества, когда после громкой ссоры младший брат Дегтяревых застрелил свою любовницу. Пистолет он выбросил в окно. Полицейские прибыли довольно оперативно. Оружие нашли в снежном сугробе, рядом с домом. На нем были отпечатки пальцев Виктора Дегтярева. Вечером этого дня подозреваемый в убийстве был задержан и препровожден в местную тюрьму, а на следующий день ему было предъявлено обвинение в убийстве своей подруги. Все это случилось более двух месяцев назад. Затем газеты время от времени сообщали, что следствие заканчивается и вскоре дело будет передано в суд на предмет вынесения обвинительного приговора российскому миллионеру, решившему, что ему все дозволено.

– Интересное дело, – прочитав, прокомментировал Дронго, – судя по всему, они собрались там в тесном семейном кругу, когда произошла такая трагедия.

– Видимо, он ее застрелил, а старший брат теперь ищет тебя, чтобы ты взял на себя функции его адвоката, – предположил Вейдеманис.

– Не думаю, – возразил Дронго, – адвоката они наверня-

ка уже нашли. С того момента как Виктора задержали, семья Дегтяревых должна была найти ему хорошего адвоката. И обязательно из местных. Судя по стоимости замка и его реконструкции – они не самые бедные люди из прибывших в Великобританию. Скорее дело в другом. Очевидно, Игорь Дегтярев уверен в том, что его брат невиновен, и хочет доказать это с моей помощью.

– Может, и так, – согласился Эдгар, – действительно, интересное дело. А если этот Виктор и правда не убивал? Ведь он так и не признал себя виновным.

– Тогда там должен быть настоящий убийца, – подвел итог Дронго, – и появившийся здесь старший брат наверняка попросит у нас найти и установить настоящего убийцу.

– Через два месяца после случившегося преступления, – напомнил Вейдеманис, – прошло слишком много времени. Некоторые детали могут стереться из памяти.

– А некоторые, наоборот, могут всплыть. Позвоним или нет этому гостю?

– Я не знаю, решать тебе. Если тебе интересно, то, конечно, стоит позвонить. А если неинтересно, то можешь и не звонить, – разумно решил Эдгар.

– Бросать монетку, чтобы определить свое решение? – спросил Дронго. – Нет, я думаю, это не выход. В конце концов, я могу полететь в Шотландию, а оттуда приехать к Джил. Можно будет даже во второй раз не садиться на самолет. Из Лондона проеду на «Евростар» через тоннель, а потом двумя

скорыми поездами доберусь до Рима. Из Парижа в Милан и из Милана в Рим.

– И все для того, чтобы не лететь лишний раз самолетом, – усмехнулся Вейдеманис.

– Да. Ты посчитай, сколько раз я попадал в неприятные истории с этими самолетами...

– Ты много летаешь и поэтому с тобой происходят разные случаи. Это статистика...

– Это моя жизнь, – возразил Дронго. Он взял телефон. Взглянул на Вейдеманиса и набрал номер. Ему почти сразу ответили:

– Слушаю вас.

– Господин Дегтярев, здравствуйте.

– Добрый вечер, – ответил явно обрадованный голос. – Как мне к вам обращаться?

– Меня обычно называют Дронго.

– Да, я знаю, господин Дронго. Спасибо за ваш звонок. Я даже не надеялся, что вы мне перезвоните.

– Решил перезвонить. Когда вы сможете ко мне приехать?

– Когда вы скажете. Могу прямо сейчас.

– Тогда запоминайте адрес. И скажите внизу охраннику, что вы идете ко мне. Я ему позвоню и предупрежу. Когда вы сумеете подъехать? Сделайте большой запас времени с учетом московских автомобильных пробок.

– Я знаю, – торопливо сказал Дегтярев, – думаю, что минут через сорок или сорок пять.

– Отлично, – ответил Дронго, – тогда я буду вас ждать.

Он положил трубку и взглянул на своего друга.

– Не знаю, правильно ли я сделал, – задумчиво произнес Дронго, – но мне показалось интересным это дело. И достаточно необычным. Посмотрим, что именно расскажет наш неожиданный гость. И учти, что я ему обязательно напомним о Шерлоке Холмсе. Он обычно выезжал на задание вместе с доктором Ватсоном. Значит, в Шотландию полетим вдвоем.

– Для полноты ощущений нам только не хватает миссис Хадсон, – улыбнулся Вейдеманис.

– Моя кухарка, – вспомнил Дронго, – ей как раз около шестидесяти. В общем, налицо весь антураж. Остается мне научиться курить трубку и иногда употреблять наркотики. Забыл сказать: между прочим, на скрипке я играть умею. И судя по всему, так же бездарно, как и мой гениальный предшественник.

Глава 2

Игорь Дегтярев оказался высоким худощавым мужчиной сорока лет. Несколько продолговатое лицо, карие глаза, немного вытянутый нос, волевой подбородок. Такие мужчины обычно нравятся женщинам. У него были светло-каштановые волосы и усы с небольшой бородкой рыжеватого оттенка. Дронго обратил внимание на одежду и обувь вошедшего. Его легкое пальто из кашемира наверняка стоило несколько тысяч долларов, а обувь была сделана на заказ. Дегтярев пожал руки обоим и прошел в гостиную.

– Будете что-нибудь пить? – спросил Дронго, двигая к нему столик с напитками.

– Нет, спасибо, – отказался Дегтярев, – я пришел к вам по очень важному для нашей семьи делу.

– Уже примерно представляю, о чем мы будем говорить, – кивнул Дронго.

– Но я бы хотел... – Игорь Дегтярев взглянул на сидевшего рядом Вейдеманиса. – У меня приватный разговор. Вы меня понимаете?

– Господин Эдгар Вейдеманис является моим напарником, и обычно мы расследуем с ним дела вместе, – заявил Дронго, – и если нам придется лететь в Шотландию, то мы полетим именно вдвоем.

– Вы уже знаете про наше дело? – встрепенулся Дегтярев,

услышав про Шотландию.

– Я же вам сказал, что примерно представляю. Обычно я принимаю гостей, предварительно подготовившись к этой беседе.

– Да, – согласился гость. – Он тяжело вздохнул. – Кто бы мог подумать, что наше первое Рождество в этом замке окажется таким печальным.

– С этого момента начните рассказывать по порядку, – предложил Дронго, – и если вы хотите, чтобы я вас выслушал, желательно не отвлекаться на другие темы. Итак, что именно произошло в вашем замке в ночь на Рождество?

– Убийство, – пояснил Дегтярев. – Мы считали, что это будет самое счастливое Рождество в нашей жизни. А оно оказалось самым трагическим. Мы купили этот замок в Гоффорде, можно сказать, случайно. Дело в том, что у нас уже есть квартира в Лондоне. Небольшая. Три бедрум, как говорят англичане. То есть гостиная и три спальные комнаты. Обычно там остается моя дочь с моей мамой и сиделкой. Но иногда приезжаем и мы с женой.

Замок в Гоффорде нам посоветовали купить наши знакомые. Мы как раз ездили к ним в Эдинбург. И они порекомендовали приобрести этот замок, который был просто в ужасающем состоянии. Его хозяева последние пятьдесят лет вообще не занимались этим строением. Можете себе представить? Там все сгнило. Чтобы шотландцы или англичане так относились к своему дому... Но, оказывается, владельцы

дома давно умерли, а их единственная дочь вышла замуж за американца и жила в Далласе, лишь иногда приезжая на родину. Здесь, конечно, оставались садовник и домработница. Семейная пара стариков, которые смотрели за домом, но как они могли за ним смотреть? Стирали пыль и следили за растениями. Денег на ремонт или капитальную реконструкцию хозяйка не выделяла, и все постепенно приходило в негодность. Хозяйке было уже за семьдесят, и она решила продать замок, чтобы вложить деньги в какое-то дело. Вы мне можете не поверить, но это именно так. Обожаю американцев за их почти детское мышление и такой невероятный образ мыслей. В семьдесят лет она решила открыть свое новое дело...

Мы с Виктором поехали туда, уже имея фотографии этого строения. Честно говоря, ехали, чтобы не обидеть своих друзей. Сразу решили, что нам не нужна такая «рухлядь». Гоффорд находится в тридцати-сорока минутах езды от Эдинбурга. Едете прямо в горы. И там такая красота, такое озеро, такой вид. Когда взошли на холм, где находится замок, просто замерли от восторга. Вид был просто фантастический. И мы передумали, прямо там и передумали, решив приобрести замок в Гоффорде.

Но замок был в плохом состоянии, и поэтому она продавала его только за шесть миллионов фунтов. Ей нужны были срочно деньги, и она запросила реальную цену. Наши знакомые уверяли нас, что такой замок, отреставрированный и приведенный в порядок, может стоить миллионов двадцать,

тем более что он продавался вместе с землей. Там было около двух гектаров. И мы с братом решили рискнуть. Забыл вам сказать, что мы с младшим братом Виктором компаньоны в нашей компании. Мы выпускаем пластиковые упаковки, пластмассовые изделия, различное оборудование для стадионов и клубов. Мы осмотрели этот замок вместе с Виктором, и нам даже понравился этот заброшенный дом. Шесть миллионов фунтов нужно было заплатить сразу, такое условие поставила хозяйка замка. А мы как раз вышли на биржу и разместили там акции нашей компании, которые принесли нам около двадцати пяти миллионов долларов. Но, конечно, контрольный пакет мы оставили за собой. У меня и у Виктора примерно по тридцать процентов акций. А остальные находятся у других акционеров, среди которых самый крупный – один наш знакомый. Но про него я скажу позднее. В общем, деньги у нас были, и мы решили купить замок. Все оформление заняло около двух месяцев. Потом мы нашли шотландского архитектора, который взялся за капитальный ремонт и переустройство всего замка. Нужно сказать, что он небольшой. На самом деле даже не замок, а просто большой трехэтажный дом с прилегающими к нему постройками и, конечно, землей. Восемнадцать комнат, включая зал для приемов человек на сто, десять ванных комнат. Там есть еще склад, гараж и даже конюшня для лошадей. Хотя лошадей уже давно нет. Но конюшня нам понравилась. Мы даже представляли с Виктором, как заведем породистых лошадей

и будем гарцевать на них, как английские лорды. Такая глупая детская выдумка, ребячество.

Он нахмурился, покачал головой. И продолжал:

– Почти два года шли ремонт и реконструкция замка. Наконец все было готово. Честное слово, это было настоящее чудо. Мы заплатили еще около шести миллионов фунтов, но то, что получили, стоило уже не двадцать, а все тридцать миллионов. Мы даже потом пригласили специалиста, чтобы оценить стоимость нашего замка. Нам повезло. Наш архитектор оказался настоящим профессионалом и самое важное – честным человеком. Можете себе представить: он не крал деньги и не завышал стоимость работ, а все полученные средства строго по отчету тратил на наш замок. Для нас с братом это была почти дикость. Мы вечно ругаемся со строителями у нас в Подмосковье. Кто бы нам ни строил – наши местные или приезжие украинцы, молдаване, таджики, – все равно объем будет завышен и минимум треть денег будет украдена. Обидно. Нужно учиться у этих шотландцев. В общем, все было готово, и мы решили устроить настоящее Рождество. Выписали елку и собрали всю семью в Шотландии.

Ночью мы даже выходили из замка, чтобы увидеть полную луну. Такое удовольствие и такой воздух, я не могу вам передать словами. Наверно, мы слишком сильно пошумели, чем вызвали раздражение наших строгих соседей. А потом вернулись в замок и там отмечали нашу первую совместную

ночь. На следующее утро все снова собрались к завтраку, потом к обеду. Было весело, смешно, интересно. Мы обменялись подарками. А вечером произошла та самая трагедия, из-за которой я и приехал к вам...

Он снова замолчал. Нахмурился, словно не желая вспоминать происшедшее, и продолжал говорить:

– Я забыл вам сказать, что Виктор не женат. Он развелся со своей супругой, еще когда оканчивал институт. Она была очень красивая девушка. Они учились на одном курсе и поженились, когда им было по девятнадцать. А в двадцать два уже развелись. Разве можно в таком возрасте жениться? Не знаю, мне кажется, что это слишком рано. Хотя, наверно, все слишком индивидуально. Они жили у родителей Марины, это тоже не совсем правильно. Прибавьте к этому общее состояние страны в начале девяностых. Общий развал, дикие цены, в магазинах, кроме хлеба, почти все дают по талонам. А у Виктора, кроме студенческой стипендии, ничего нет. И я им особенно помогать не мог. Тогда у нас отец умер, и я должен был думать о младшей сестре и матери. Время было очень сложное. А тут родители Марины ей все время внушали, что он сидит у них на шее и должен бросить институт, чтобы найти достойную работу.

Многие его сверстники так и делали. Бросали институт и шли торговать компьютерами, которые массово завозились из-за рубежа. Или на рынки – торговать ширпотребом из Польши, Турции, Китая. А Виктор хотел учиться. Но харак-

тер у него был сложный, он таким и до сих пор остался. Вот поэтому все время скандалы у них были. И с тестем, и с тещей. Виктор часто от них уходил. Только куда он мог уйти? К нам ему стыдно было возвращаться, поэтому ночевал у друзей. В общем, так долго продолжаться не могло, и они с Мариной развелись через три года. Хорошо, что детей у них не было. Маринины родители ей рожать не разрешали, считали, что она должна институт окончить. Вот такая глупость.

Но, видимо, эти годы не прошли даром ни для Виктора, ни для меня. Мы буквально с нуля начинали наше производство. Сами все придумывали, сами нашли первый кооператив, где делали наши первые одноразовые стаканчики и тарелки. Это потом мы развернулись, и сейчас у нас два завода работают. А тогда очень сложно было. Но мы с ним выстояли. Хотя с тех пор он к женщинам немного настороженно относился. Гулять, конечно, гулял, но жениться не собирался. Мать ему все время говорила, чтобы он о женитьбе подумал, но он отшучивался. Знаете, когда у человека есть любимая работа и большие деньги, то ему не хочется второй раз в это ярмо лезть. Боится обжечься. А ведь ему в прошлом году уже тридцать восемь исполнилось.

Но на Рождество он приехал не один, а со своей знакомой. Вы наверняка уже про нее читали. Той самой, которую нашли убитой. Злата Толгурова. Известная модель и певица. Ее считали одной из самых красивых молодых женщин в Москве. Виктору она очень нравилась, они встречались уже

несколько месяцев. Он даже подарил ей какое-то немислимое кольцо за шестьдесят тысяч долларов. Я ему даже замечание сделал: мы не можем себе позволить так швырять деньги на ветер, они нам слишком дорого доставались. Но они приехали вместе со Златой, и мы все были довольны. А потом... потом вечером они довольно громко ругались. Я не сказал, что у Виктора тоже характер был сложный. А эта молодая женщина привыкла быть всегда в центре внимания. Тут еще наша сестра была, моя жена начала шипеть, что Виктор разных девиц в дом привозит, а у нас уже взрослая дочь. Одно на другое. И между ними произошел скандал. А через час или полтора этот роковой выстрел раздался. Из пистолета, который у Виктора в комнате был. Пуля в Злату попала, как будто какой-то профессионал стрелял. Точно в сердце. Мы все в разных местах были, когда выстрел услышали. И все к нему в кабинет побежали. У него кабинет и спальня рядом были. На третьем этаже. Я первым туда ворвался. Злата на полу лежала, уже без сознания. Я бросился ей помогать, даже искусственное дыхание пытался сделать, но было уже поздно. Потом Виктор вбежал. Я точно помню, что он вбежал после меня и тоже к ней бросился.

Потом уже остальные прибежали. Моя жена и сестра сразу начали Виктора обвинять, что он в нее выстрелил. А Виктор даже не отвечал, так потрясен был случившимся. Мама приехала и на них прикрикнула, чтобы замолчали. И только тут мы выяснили, что оружия нигде нет. Пистолета, из ко-

торого стреляли в Злату. Мы начали искать, но его действительно нигде не было. А Виктор был точно в каком-то ступоре. Стоял и смотрел на Злату, но ничего не говорил. Я его вниз повел, дал немного выпить. Он успокоился, пришел в себя и неожиданно мне говорит, что ее не убивал. Я даже удивился. Кто тогда мог в нее выстрелить? В доме посторонних не было. Но он уверял меня, что не стрелял в нее. Он так говорил, так переживал, что я ему сразу поверил. Мы ведь родные братья, выросли вместе. Дружили, играли, ссорились, дрались, мирились. И я знаю, когда он врет, а когда говорит правду. В тот момент он мне не лгал, я в этом убежден.

Примерно минут через двадцать приехали полиция и врачи. Полицейские сразу все осмотрели, начали допрашивать всех присутствующих в доме. Забыл вам сказать, что под утро снег пошел и вокруг дома было довольно много снега. Поэтому полиция сразу версию чужого отбросила. Чужой не сумел бы уйти по этому снегу, его бы сразу следы выдали. А наши машины в гараже стояли, и по дороге тоже никто не уходил, иначе бы его соседи увидели. Полицейские долго работали, потом приехали еще сотрудники центрального аппарата Скотленд-Ярда. Может, приехали из Эдинбурга или даже прилетели из Лондона. Какие-то мужчины в штатском. Пистолет найти удалось. Он лежал в сугробе рядом с домом. Сотрудники полиции считали, что его выбросил убийца.

Что им оставалось подумать? В доме чужих нет. Злата

приехала к моему младшему брату. Пистолет принадлежал ему. И самое страшное, что на стволе нашли отпечатки пальцев Виктора. И про скандал сотрудникам полиции, конечно, рассказали. Не знаю, кто именно, но кто-то успел рассказать. Наверно, кто-то из наших. Я их даже не виню, понимаю, что врать полиции они не могли. Меня тоже об этом спрашивали, но я сказал, что обычно молодые люди могут спорить, это нормально. Следователь как-то странно посмотрел на меня и сказал, что в их стране молодые люди обычно любят друг друга и не стреляют после скандалов. Вечером Виктора увезли. А на следующий день ему предъявили обвинение. Мы ему сразу нашли хорошего адвоката. Мистера Уоллеса. Очень известный адвокат. Но он честно нам сказал, что пока все улики против Виктора. И вот уже почти два месяца длится это расследование. Уоллес говорит, что скоро дело передадут в суд. А там нужно будет попытаться убедить присяжных, что это был случайный выстрел. Но Виктор не хочет признаваться даже в этом. Он уверяет, что не брал пистолета и не стрелял. Он даже ругается со своим адвокатом, который хочет максимально смягчить ему наказание. Но все равно говорит, что даже за убийство в состоянии аффекта Виктор получит лет шесть или семь. А это так ужасно...

Дегтярев наконец замолчал. Посмотрел на столик с напитками. И, не спрашивая разрешения, протянул руку, взял бутылку шотландского виски и щедро плеснул себе в стакан.

– Лед хотите? – уточнил Дронго.

– Нет. – Игорь залпом выпил. Поставил стакан на столик. Дронго и Вейдеманис переглянулись. Дегтярев выпил за раз грамм сто пятьдесят.

– Ваш брат злоупотреблял спиртным? – спросил Дронго.

– Я бы мог сказать, что нет. Но он иногда перебирал. Такое случилось. По праздникам или торжественным датам.

– В ночь на Рождество тоже?

– Он много выпил, но был в форме. А потом они пошли спать. На следующее утро он не пил. Ни за завтраком, ни за обедом. Ну, может, за обедом выпил стакан вина. Или два стакана. Он же не алкоголик. Мы готовились вместе поужинать, даже заказали нашей кухарке приготовить праздничный ужин. Индейку и поросят.

– В доме была еще и кухарка? Я имею в виду, кроме ваших родных и близких.

– Не только, – мрачно ответил Дегтярев, – в доме было много людей, но ни один из них не мог выстрелить в Злату. В этом мы тоже убеждены. Я даже готов поверить в мистику, ведь нас в доме было ровно двенадцать человек. Ровно двенадцать, такое интересное совпадение. Четверо мужчин, шестеро женщин, считая с убитой, и двое детей.

– Кто именно в момент убийства был в замке? – уточнил Дронго. – Вы можете перечислить. И прежде чем вы ответите на этот вопрос, объясните мне: почему, говоря о своей матери, вы сказали, что она «приехала»? Каким образом она приехала на третий этаж?

– У матери больные ноги, – пояснил Дегтярев, – поэтому рядом с ней почти всегда сиделка. И мать передвигается по дому в инвалидной коляске. Но мы сделали так, что она может попасть практически в любую комнату. Ремонт шел с учетом именно этого обстоятельства. Кроме высоких лестниц, там везде есть отдельный подъем для инвалидной коляски. С правой стороны замка. Очень удобно и для багажа на колесах, и для переноса крупных вещей. В замке ведь нет лифта. Он просто там не предусмотрен.

– Ясно. Теперь перечислите: кто именно был в замке в момент убийства подружки вашего младшего брата.

– Никого из чужих, – вспомнил Игорь, – там были Виктор и Злата, об этом я уже вам сказал. Себя я назвал, моя мама – Ольга Игоревна, меня назвали в честь деда. Моя супруга Дзидра...

– Она латышка? – спросил Вейдеманис, услышав знакомое имя.

– Да, – кивнул Дегтярев, – мы женаты уж восемнадцать лет. Я женился сразу после того, как окончил институт. Тогда еще существовал Советский Союз. Но у Дзидры латышское гражданство. Очень помогает передвигаться по Европе. Она может ездить без виз практически повсюду...

– Кто еще? – спросил Дронго.

– Наша дочь Марта. Ей уже шестнадцать лет. Моя сестра Валентина Лапесская. Она тоже разведена. Но с ней был ее давний друг Нурали Халдаров. Он известный бизнесмен,

между прочим, владеет и крупным пакетом акций нашего предприятия. Он давний друг нашей семьи и Вали. Там был еще ее сын Алексей, ему пятнадцать. Затем сиделка, которую мы привозим из Москвы, – Лилия Чебан, она молдаванка. Наша кухарка Дороти. Ей уже далеко за шестьдесят. И наш садовник, который как раз в момент убийства был в доме. Он должен был очистить от снега все окна и балконы. Арво Сумманен, он финн по национальности, хотя приехал из Петрозаводска и уже восемь лет живет в Шотландии. Он переехал сюда еще в конце девяностых, сразу после августовского дефолта. Он тогда все потерял. Даже дом, в котором они жили. Все заложил, чтобы вложить в лесопилку, и купил товар на рубли. А доллар взял и рухнул в четыре раза. И он сразу стал нищим. Вот так. Тогда они с женой сюда и переехали. Он человек серьезный, немногословный, как все финны. Но свою работу знает и делает очень хорошо. Он живет недалеко, поэтому мы его и взяли. Тем более что он прекрасно говорит по-русски, даже без акцента.

– Больше никого?

– Нет. Больше никого. Сам Арво стоял на улице перед домом в момент выстрела, и, если бы кто-то попытался убежать, он бы наверняка увидел этого человека. Нет, больше никого не было. И чужих в доме не было. Тогда получается, что Злату застрелил Виктор, а это не так, он в нее не стрелял. Хотя там и есть его отпечатки пальцев. Остается поверить в присутствие призраков. Говорят, что привидения и при-

зраки водятся в старых шотландских замках. Но этому дому только сто сорок лет, и в нем никогда и никого не убивали.

– Призрак не смог бы поднять пистолет, – меланхолично заметил Дронго.

– Что? – не понял или не поверил услышанному Дегтярев.

– Призраки обычно не стреляют в людей. Они пугают их одним своим появлением, – пояснил Дронго.

– Понятно. Вы имели дело и с ними тоже? – спросил Игорь. Похоже, он даже не шутил.

– Да, – кивнул Дронго, – за время своей долгой карьеры я с кем только не встречался. И уверяю вас, что призраки – это еще не самые худшие существа среди тех, кого мы можем иногда встретить на этой земле.

Глава 3

Игорь Дегтярев закончил свой рассказ. Теперь он с надеждой смотрел на сидевших перед ним людей, ожидая их решения.

– Я не верю в то, что убийцей был мой брат, – сказал Дегтярев, – хотя понимаю, что все улики против него. Но я все равно не верю. Бедная мама, она так переживает за Виктора. Хотя, если говорить откровенно, то она была против того, чтобы я обратился к вам. Она считает, что помогать Виктору должен английский адвокат, который сможет убедить судей в отсутствии мотивов для убийства у Виктора. Возможно, она права и адвокат сумеет сотворить небольшое чудо. Говорят, что он один из лучших адвокатов Великобритании по уголовным делам. Но я захотел использовать и свой шанс. Найти лучшего частного детектива, лучшего эксперта, который сможет доказать невиновность Виктора. Поэтому и решил обратиться к вам. Наш общий знакомый, посол Грузии в Великобритании Николай Батиашвили, несколько месяцев назад рассказывал мне о вас. Говорил, что вы лучший эксперт по вопросам преступности, настоящий сыщик, каких в нашем двадцать первом техногенном веке уже не найти. Поэтому я и приехал к вам с такой необычной просьбой. Вы уже поняли, что я человек небедный. Я готов оплатить все ваши расходы и вашу поездку в Шотландию и обратно. На-

зовите сумму вашего гонорара, и я выплачу его независимо от результатов вашего расследования. Вы можете взять с собой кого хотите, но только проведите свое расследование и найдите настоящего убийцу.

Дронго помолчал секунд двадцать. Затем уточнил:

– Вы абсолютно уверены, что в доме не было никого из посторонних?

– Абсолютно. Я же вам сказал, что там ночью выпал снег. Он был повсюду, даже на дороге. Если бы кто-то подошел к дому, его следы остались бы на снегу. Но следов не было. Кроме следов наших работников, которые утром пришли в дом. Но это были садовник и кухарка. Раньше в замке работала местная пара стариков, о которых я вам говорил, но они давно уже не работают.

– Тогда мне придется столкнуться с нелегкой дилеммой, – признался Дронго, – и я хочу, чтобы вы как можно более ясно представили себе мою задачу.

– В каком смысле?

– Вы уверены, что в доме не было никого из посторонних в момент убийства. Вы также уверены, что ваш младший брат не совершал этого убийства, не стрелял в свою подругу. Предположим, я говорю только предположим, что вы правы. Ваш брат не стрелял и вообще не имеет к этому убийству никакого отношения. Но тогда остаются только близкие вам люди. Вы это отчетливо понимаете? Если мне каким-то образом удастся доказать, что ваш брат невиновен, значит, ви-

новен кто-то другой. И тогда я сразу хочу вас спросить: об этом вы подумали? Ведь, спасая своего младшего брата, вы невольно подставите кого-то другого. Вашу жену или вашу мать, вашу дочь или вашу сестру. Такой вариант вам нравится больше?

– Нет, не нравится, – вырвалось у Игоря, – мне вообще кажется, что никто из них не мог сделать ничего подобного.

– Тогда выходит, что пистолет выстрелил сам по себе? Самоубийство было невозможно. Ведь вы сами сказали, что пуля попала в сердце жертве. Вряд ли после этого она могла еще и выбросить пистолет.

– Я понимаю. Но сейчас я думаю об этом меньше всего. Сейчас конкретно обвиняется мой младший брат. И если адвокату не удастся смягчить приговор или каким-то образом повлиять на присяжных, то наш Виктор может получить не семь, а все двадцать лет тюрьмы. Что нам тогда делать? Вы можете прочувствовать, какой это кошмар, когда я абсолютно убежден в том, что Виктор не стрелял в свою подругу. Ведь он вбежал следом за мной.

– И ваше мнение разделяют остальные члены вашей семьи? – уточнил Дронго.

– Нет, – честно ответил Игорь, – не разделяют. Почти все считают, что стрелял Виктор, но сделал это в состоянии своей обычной возбудимости.

– Возможно, они более правы, чем вы. Вы же сами сказали, что у него сложный характер.

– Это ничего не значит. У людей бывают куда более сложные характеры, но они не убивают своих знакомых. Он не стрелял, я в этом уверен. Стрелял кто-то другой, но осудят Виктора. Это и несправедливо, и неправильно. Поэтому я и пришел к вам. Возможно, вы сумеете узнать, кто именно стрелял. Эта истина нужна не английским или шотландским следователям. Она нужна мне, Виктору, нашей семье. Я не могу поверить, что это убийство произошло в нашем доме.

– Я понимаю, – мрачно кивнул Дронго, – но истина бывает не очень удобной. И не всегда приятной.

– Мне все равно. Виктор появился после меня. И он был напуган и ошеломлен. Это стрелял не он, я в этом убежден. Я слишком хорошо знаю своего младшего брата. И я видел его лицо. Он не стрелял в Злату. Если бы ее задушили, я бы скорее поверил, что это сделал Виктор. После первого развода он иногда бывал неуправляем, но в тот момент он испугался и удивился. Да-да, именно удивился.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Тот пожал плечами, словно давая возможность своему другу самому решать, как именно ему поступить.

– Кто сейчас находится в вашем замке? Кто там проживает? – уточнил Дронго.

– Пока там находятся моя мать, сиделка, кухарка, садовник. Жена с дочкой в Лондоне, но завтра начинаются каникулы, и они приедут в замок. Сестра Валентина с сыном в Брайтоне, он там учится в колледже, они приедут к нам че-

рез несколько дней, у него каникулы начинаются позже.

– А друг вашей сестры. Кажется, Халдаров. Где его можно найти?

– Он часто прилетает в командировки в Лондон. Но работает в основном в Москве. Я могу дать вам его телефон.

– Выходит, что, кроме вас и садовника, в доме не было мужчин. И еще подросток, ваш племянник. Остальные женщины. Верно?

– Да. Но женщина тоже могла нажать на курок. Это была примитивная конструкция, ничего не нужно делать. Только нажать на курок. Я говорил Виктору, что его увлечение оружием плохо закончится. У него в кабинете была целая коллекция – ножи, пистолеты, сабли. Но ему они нравились. Это, кажется, у Чехова была такая фраза, что если в первом акте на сцене висит ружье, то в третьем оно обязательно выстрелит. Что у нас и произошло.

– Не совсем так, но в общем верно, – кивнул Дронго. – Значит, вы полагаете, что из пистолета могла выстрелить и женщина?

– Безусловно.

– Вы сказали, что у вас в замке восемнадцать комнат. Как они расположены? В какой последовательности?

– Я вам сказал, что это не замок, а один большой дом. На третьем этаже находятся два трехкомнатных отделения. Это мы сами так захотели. У каждой спальни своя ванная и выход в кабинет и небольшую столовую. Левую часть здания

занимал Виктор, правую – я со своей супругой. Есть еще две небольшие комнаты. Одна – бильярдная, другая – кинозал. На втором этаже еще восемь комнат. Из них шесть спальных комнат с ваннами. К двум комнатам примыкают еще небольшие комнаты, больше похожие на будуары для придворных дам или на большие шкафы, где можно хранить одежду. В одном таком отделении обычно останавливается моя сестра, в другой – моя мама. Ее сиделка занимает комнату рядом с ней, а сын моей сестры – комнату рядом с матерью. В других спальнях остаются приглашенные гости. Внизу есть большой зал, о котором я говорил, комната, примыкающая к кухне, такая небольшая столовая человек на десять-пятнадцать. Вот, собственно, и все.

– Вы точно знаете, кто и где был в момент убийства?

– Нет, не знаю. Но я вбежал первым в комнату, где была убита Злата. В этом я уверен. Там никого больше не было. И пистолета, из которого раздался выстрел, тоже не было. Потом вбежал Виктор. За ним, где-то секунд через пятнадцать или двадцать, появилась моя супруга, за ней Валентина, наша сестра. Потом приехала мать, прибежала ее сиделка, появился Халдаров.

– Семь, – посчитал Дронго, – а вы сказали, что вас было двенадцать. Где были остальные?

– Наша дочь была в домашнем кинотеатре. Алексей, мой племянник, играл в бильярдной. Эти комнаты находятся на третьем этаже, рядом с нашими апартаментами. Дороти бы-

ла на кухне, Арво – на улице. И погибшая Злата. Получается двенадцать. Хорошо, что меня не заподозрили в убийстве подруги моего брата. А ведь вполне могли бы. И логика прямая есть. Если мой младший брат женится, то наследников на этот замок будет гораздо больше, чем сейчас. Вот и конкретная причина, чтобы мне ненавидеть эту молодую особу. Хотя я точно знал, что он не хотел на ней жениться. Она ему только нравилась как красивая женщина.

– Тогда можно понять недовольство ваших родных – матери, жены, сестры, – которые были не очень рады появлению подобной особы в вашем «родовом гнезде».

– Да, наверно, – согласился Игорь, – я их отчасти понимаю. Виктор вообще позволял себе иногда слишком дикие выходки. Мог привести на какую-нибудь вечеринку популярную актрису или топ-модель, а потом целоваться с ней на глазах у изумленной публики. Когда человек холостой и очень богатый, он позволяет себе кучу глупостей. Вы наверняка слышали о концерте, который был в нашей компании в позапрошлом году. Об этом написали все московские газеты. Я столько ругал Виктора, нам не нужна была подобная «популярность».

– Я не читаю сообщения подобного рода, – признался Дронго.

– Правильно делаете. Он тогда пригласил на концерт сразу несколько знаменитостей – Брюса Уиллиса, Ричарда Гира и Дженнифер Лопес. Пришлось заплатить этим господам

столько денег. Я был уверен, что они не приедут. Но приехали все трое. И в другие компании приезжают все, кого «заказывают». Я сначала не мог понять, что происходит. Я понимаю, когда на это идут люди, которые нуждаются в деньгах. Но когда к нам начали приезжать мультимиллионеры, я стал сознавать, что в свои сорок лет оказался человеком со слишком консервативными взглядами. Если бы я обладал их статусом, их возможностями, их деньгами, я бы не поехал на эти корпоративные вечеринки ни за какие деньги. Послушайте, господа, вы же не умираете с голоду, как же вам не стыдно. Приезжать на вечер в компанию, о которой вы никогда не слышали и никогда больше не услышите. И под пьяный хохот гуляющих петь, танцевать или ублажать эту публику. Наверно, я слишком перегибаю палку, но мне кажется, что я прав. Когда на такие вечеринки ездят наши доморощенные звезды, это все понятно. И даже приятно. Они тоже немного выпивают, они тоже развлекаются. И самое главное – они зарабатывают деньги. Ведь всем хорошо известно, что в нашей стране нельзя честно заработать на шоу-бизнесе своими дисками, как и во всем мире. Или записями своих концертов. Нужен «чес» или корпоративные вечеринки. И когда ребята из «Камеди-клуб» зарабатывают свои деньги, я их с радостью отдаю. Почти все вылезли из нашей советской нищеты. Нет, даже не из советской, а из постсоветской, она еще страшнее. А эти голливудские «звезды» просто бесятся с жиру. Не понимая ни языка, ни страны, куда они попа-

ли. Если даже компания выпускает презервативы или унитазы, то и тогда эти заокеанские знаменитости готовы петь и танцевать на усладу публики. Виктор пригласил их всех, и об этом написали во всех газетах. У нас потом несколько месяцев работала налоговая инспекция, проверяла деятельность наших заводов. Во-первых, люди завидуют, а во-вторых, слишком громкая слава бизнесменам не нужна. Она нужна художникам или композиторам, политикам и депутатам. Поэтому у нас были с Виктором разногласия как раз по этому поводу. И Злату он пригласил нарочно. Она была одной из самых гламурных девочек Москвы. Есть даже такой своеобразный рейтинг. В первой десятке – самые известные особы, пригласить которых на свою вечеринку мечтают почти все крупные компании в Москве. Есть женщины, одни имена которых уже являются брендом для любого модного журнала.

– И Злата Толгурова тоже была брендом? – уточнил Дронго. Он знал не так много имен современных певиц или ведущих.

– Она из другого списка, – пояснил Игорь, – из тех, кто зарабатывает себе на жизнь своим гламурным поведением, а это разные вещи. Есть просто светские львицы, бездельницы, приживалки, которые имеют прекрасные возможности для светского образа жизни и большие деньги, оставшиеся от отцов, бывших мужей или любовников. Этим не нужно думать о хлебе насущном. И есть другая категория дамочек,

которые должны зарабатывать себе на жизнь. Актрисы, певицы, ведущие, журналистки, модели... Две большие разницы, как говорят в Одессе. Вторые просто обязаны думать об удачном замужестве и заработанных деньгах.

– Признаюсь, что я не очень разбираюсь во всех этих подробностях, – признался Дронго.

– Для этого необязательно быть экспертом, – улыбнулся Игорь, – я приведу вам конкретный пример. Вы знаете певицу Алсу?

– Лично нет. Но отца знаю...

– Это даже лучше. Обратите внимание на ее выступления. Красивая молодая женщина выходит на сцену и поет свои песни. Поет для собственного удовольствия. Ей не нужно нравиться сидящим в зале мужчинам, ей просто хочется понравиться всем зрителям. И если завтра она прекратит свои выступления, ничего не изменится. Она всегда очень красиво одета, но никаких вольностей, она никогда не позволит себе появиться полуобнаженной. У нее очень богатый отец, достаточно состоятельный супруг. Ей просто не нужны эпатажные выпады. Понимаете, в чем дело? Она не зарабатывает на жизнь своими песнями. А вот некоторым другим, особенно молодым девочкам из популярных групп, нужно не просто «отбыть свой номер». Им обязательно нужно понравиться. Они в поисках своих ухажеров, своих богатых любовников, своих возможных будущих мужей, но это если очень повезет. Я бы мог начать перечислять вам массу фамилий, кото-

рые вы наверняка слышали. Эти девицы выходят на сцену полуголыми, они отдаются прямо во время концерта. Не в прямом смысле, разумеется. Хотя бывает и в прямом. Теперь вы меня понимаете?

– Злата принадлежала ко второй группе гламура? – понял Дронго. – Она была красивой женщиной?

– Очень красивой, – печально кивнул Дегтярев, – ее фотографии есть в Интернете. Я могу даже подсказать вам сайт, который сделали ее поклонники. Почитайте их письма. Они все уверяют, что безумно любили Злату Толгурову и готовы ради нее на все, даже на убийство моего брата. Можете себе представить, какие признания в любви там появляются. И какие оскорбления в адрес моего брата. Один даже написал, что Виктор Дегтярев был уродом и импотентом и только поэтому решил убить такую красавицу, как Злата, чтобы она никому не досталась. Это мой брат – импотент? Он был настоящий скакун-производитель, мог целыми ночами сексом заниматься, и не с одной, а сразу с несколькими. Обидно даже читать подобные оскорбления.

– Наверно, у нее были свои поклонники, – закрыл тему Дронго. – Ее тело уже привезли в Россию?

– Да. И сделали из этого настоящее шоу. Даже сняли фильм о том, как прекрасная молодая женщина, талантливая и целомудренная, только начинавшая свою карьеру, погибла от руки какого-то ужасного маньяка, нового олигарха, который загубил ее юную душу. У этой «юной души» и «це-

ломудренной женщины», только по моим подсчетам, было больше десяти любовников. И самое неприятное, что я никому не могу сказать об их истинных взаимоотношениях.

– Вы сказали мне, что «точно знали» об их истинных взаимоотношениях. Что он не хотел на ней жениться. Это как-то связано с его первой неудачной женитьбой?

Игорь вздохнул. Протянул руку и снова щедро налил себе виски. Выпил стакан в несколько глотков. Поставил его на столик.

– Нет, – наконец сказал он, – никак не связано. Чтобы Злата Толгурова приехала к нам в замок и провела у нас Рождество, Виктор заплатил ей деньги. Кажется, дал сто пятьдесят тысяч. Долларов. Если я не ошибаюсь.

– Вы же сказали, что их отношения длились уже несколько месяцев и он даже подарил ей кольцо, – напомнил Дронго.

– Одно другому не мешает, – достаточно цинично заметил гость. – Видимо, Злата поняла, что Виктор не тот человек, который готов сделать ее счастливой женой. И она перевела их отношения в чисто деловое русло. Так часто бывает. Сто пятьдесят тысяч. Я это точно знаю.

– Как растут цены, – печально заметил Дронго, – я был еще ребенком, когда мой отец вернулся с дачи своего друга в Баку. Отец работал прокурором города, а его друг был начальником отдела в прокуратуре республики. Молодой, красивый, богатый. Позже его обвинили в том, что он был одним из руководителей «цеховиков» – так называли людей, кото-

рые занимались незаконным предпринимательством. Но тогда этот начальник отдела пригласил на свою дачу одну из самых красивых актрис советского кино. Она приехала из Москвы и была почти как богиня. Чтобы она согласилась остаться на даче, этот прокурор заплатил в присутствии моего отца три пачки денег. В каждой было сто купюр по двадцать пять рублей. Семь с половиной тысяч рублей за три ночи на даче. Отец был не в восторге от его поступка, хотя старался никогда не выносить категорических суждений. К тому же он вообще был большим любителем красивых женщин, но считал аморальным покупать любовь таким образом. Однажды мы даже с ним поспорили. Я как раз считал, что в этом нет ничего особенного. За каждый труд нужно платить. «Если это труд, – согласился отец, – то тогда конечно. Но не путай труд с любовью. Ведь ты оставляешь женщину у себя на несколько дней, а это уже не просто труд, а совсем другие отношения».

С годами я понял, что мой отец был тогда прав. Ваш Виктор, видимо, еще этого не понимал. Нельзя привозить женщину к себе домой, платить деньги и представлять ее своим родным. Нельзя делать подобные вещи по определению. Одно дело – когда вы проводите время с женщиной, которая вам нравится, на курорте или где-нибудь на островах Индийского океана. Это ваше право и обоюдное желание. Я даже могу согласиться с тем, что существуют женщины из «эскорта», но необязательно каждую возить на семейное торжество

и показывать своей матери. Хотя бы для того, чтобы сохранить ее душевное спокойствие.

– Возможно, вы правы, – согласился Игорь, – я ему об этом много раз говорил. И так глупо он обжегся. Будет теперь урок на всю жизнь. И для меня, и для него. Но в любом случае я хочу помочь своему младшему брату.

– Вы хотите, чтобы я провел самостоятельное расследование? – прямо спросил Дронго.

– Да, – кивнул Дегтярев, – и как можно быстрее. Мистер Уоллес сообщил, что уже через несколько дней дело может быть направлено в суд. Вы понимаете, что это означает. Пресса пишет страшные статьи о забавах наших олигархов в Европе. После того как в прошлом году был арестован один из наших олигархов в Куршевеле, которого обвинили в сутенерстве, они словно сорвались с цепи. Олигарха, многомиллиардное состояние которого превышает состояние многих банкирских домов старой Европы, обвиняли в сутенерстве. Можете такое представить?

– Вы говорите о Михаиле Прохорове? – уточнил Дронго. – По-моему, все понимали, что это провокация. Он, конечно, далеко не ангел, вернее, вообще не ангел. Конечно, привлекал к себе внимание своими загулами и огромными толпами топ-моделей, которые за ним ходили повсюду, но это было его личное дело. Он привозил женщин на свои деньги, а не воровал их у французов, и тем более смешно подумать, что он пытался на этом заработать. Французы устроили созна-

тельную провокацию, а Прохоров просто оказался удобной мишенью.

– Английские газеты уже заранее вынесли свой приговор. Они считают Виктора растлителем, развратником, бабником, морально разложившимся типом. В одной из газет я даже прочел, что он устраивал свои дикие оргии на глазах у своей матери и малолетних детей. Но это абсолютная ложь. У него вообще нет детей. А моя мать никогда бы без разрешения не въехала в его спальню.

– Англичане живут в своей стране, – напомнил Дронго, – или в данном случае даже более консервативные шотландцы. Им не нравится, что появился неизвестно откуда взявшийся российский олигарх или братья-олигархи, которые купили старый замок, отремонтировали его и теперь привозят на семейный праздник, каким, в сущности, и является Рождество, своих женщин. Им не нравится, что вы вообще появляетесь там и шумно отмечаете все праздники. И я их понимаю. В чужой монастырь нельзя лезть со своим уставом.

– Мы вообще не шумели, – возразил Дегтярев, – а среди нас были не только русские. Злата Толгурова была по отцу кабардинка, моя жена – латышка, мама – наполовину украинка, наша сиделка – молдаванка, наш садовник – финн, а друг нашей Вали – узбек. Но они этого не понимают, как и мы, когда часто называем всех, прибывших из Великобритании, англичанами, хотя их это очень обижает. Они четко разделяют англичан, ирландцев, валлийцев, шотландцев. А

мы нет. Но и они, в свою очередь, до сих пор называют нас всех русскими. И не только украинцев или белорусов, но даже узбеков и латышей. Мы для них все на одно лицо.

– Именно поэтому нужно вести себя так, чтобы они не считали нас варварами, – резонно заметил Дронго, – в конце концов, это мы ездим к ним, а не они к нам.

– Вы беретесь за это дело? – спросил Игорь.

– Да. Но мне нужно будет встретиться и с вашим знакомым Халдаровым, который находится сейчас в Москве. Как я понял, он был единственным мужчиной в доме. Ведь ваш садовник был на улице?

– Это он так говорит. Может, он был и в доме, мы не знаем точно. Такая была неразбериха. Но вы правы. Кроме меня и Нурали, других мужчин в доме не было. Между прочим, полицейские взяли и наши отпечатки пальцев, чтобы сравнить с теми, которые были на оружии. Хорошо, что мы не трогали этого пистолета. И самое важное: их экспертиза легко доказала, что стреляли именно из этого оружия, которое нашли в снегу. И на нем были отпечатки пальцев Виктора.

– А сугроб, где нашли оружие, находился под окнами его кабинета? – уточнил Дронго.

– Нет, – ответил Дегтярев, – совсем в другой стороне. Со всем в другой. Что тоже удивительно. Как могло оружие попасть туда, ума не приложу. Возможно, убийца выбросил его в окно. Но в другое окно, явно не из кабинета. Иначе он был бы чемпионом мира по выбрасыванию пистолетов.

– Теперь обговорим условия нашего контракта. Если я начинаю расследование, то вы мне не мешаете. Я не остановлюсь до тех пор, пока будет хоть малейшая возможность найти что-то новое. И вы не имеете права меня останавливать, даже если результаты расследования покажутся вам неприемлемыми. А насчет гонорара – я думаю, мы зафиксируем все в нашем договоре. У меня только последний вопрос к вам. Почему вы все время иронично рассуждаете о том, что вас называют олигархами. Насколько я понял, вы очень богатый человек.

– По сравнению со среднестатистическим гражданином, возможно, – согласился Игорь, – оборот нашей компании уже сейчас около ста миллионов долларов. У меня есть квартира в Лондоне и замок в Шотландии. Правда, там владельцев до сих пор двое – я и мой брат. Но в нашей системе координат олигарх – это человек, у которого есть миллиарды долларов, который покупает яхты, вертолеты, поместья и летает на собственном самолете. Мне еще очень далеко до таких господ.

– Но вы стараетесь...

– Я стараюсь, – согласился Дегтярев, – и делаю все, чтобы наше производство развивалось как можно успешнее. Я не украл эти деньги, не присвоил результат чужого труда, не получил их, пользуясь близостью к семье Президента или проплачивая взятки нашим чиновникам. Я все честно заработал, начиная с нуля. И поэтому мне так обидно, когда нас

называют олигархами и сравнивают с другими. Мы совсем не такие.

– Но ваш младший брат вел себя как типичный олигарх, – напомнил Дронго.

– Да, – согласился Игорь, – и видимо, это не понравилось кому-то там, наверху. Я имею в виду не наш политический Олимп, а гораздо выше. Там, на небесах, решили, что Виктор несколько зарвался. И задумали наказать его таким образом. Я уверен, что, если смогу вытащить брата, он выйдет оттуда совсем другим человеком. Переродившимся и все осознавшим. Я абсолютно в этом уверен. Такие потрясения не проходят даром.

– Прекрасно, – сказал Дронго, – в таком случае нам остается только вытащить его оттуда.

Глава 4

Нурали Халдаров был одним из наиболее известных московских бизнесменов, работающих в сфере гостиничного бизнеса. Ему было тридцать девять лет, и для московской светской тусовки он считался завидным женихом. Впрочем, таковым он считался и в Ташкенте, и в Лондоне. Но сам Халдаров, похоже, не стремился прочно связать себя узами брака с какой-нибудь из своих знакомых, предпочитая холостяцкий образ жизни. При этом он слыл одним из тех известных плейбоев, список побед которых вызывал если не уважение, то удивление.

Его состояние оценивалось более чем в пятьдесят миллионов долларов. Он начал с работы обычным сотрудником «Внешэкономбанка». В начале девяностых перешел на работу в созданный «Мост-банк», который и определил его дальнейшую судьбу. Тогда этот банк, созданный Владимиром Гусинским, стал одним из символов нового времени. Вместе с каналом НТВ империя нового олигарха казалась незыблемой и прочной. Даже государственные предприятия держали свои деньги в частных коммерческих банках, что в любой другой стране было бы просто немыслимо. К тому же «Мост-банк» пользовался поддержкой московских властей и поэтому стремительно набирал обороты. В конце девяносто четвертого возник первый конфликт, когда всемогущая служба

охраны прежнего Президента пошла на открытое противостояние с олигархом и его структурами. Олигарх тогда проиграл, даже на какое-то время ему пришлось покинуть страну, но банк продолжал работать, а канал, ставший лучшим на российском телевидении, очень умело разоблачал всех явных и тайных врагов банка.

В девяносто шестом судьба власти висела на волоске. Олигархи помогли прежнему Президенту почти чудом удержаться у власти. Казалось, что отношения выправлены раз и навсегда, все «приближенные» олигархи сказочно обогатились, став мультимиллионерами и миллиардерами. Но в конце девяностых снова начались проблемы, на этот раз более глобального характера. Августовский дефолт разорил миллионы людей, только начавших верить в частную экономику и новые отношения. К этому времени осторожный Халдаров уже оставил «Мост-банк», где он успел стать миллионером, и перешел на работу в другой, не менее известный банк. Это был «Альфа-банк», который сумел не только выстоять в августовские дни, но и расплатиться со своими вкладчиками. Потом долго и упорно ходили слухи, что некоторые банковские структуры заранее знали об объявлении дефолта. В этих условиях из воздуха можно было сделать миллиардные состояния. Достаточно было купить на все имеющиеся рубли доллары и подождать несколько дней. При строгом валютном «коридоре» в шесть рублей доллар стоил очень дешево. Когда через несколько дней объявили о дефолте, он подоро-

жал ровно в четыре раза и стоил уже двадцать четыре рубля. На разнице можно было сделать состояние. Халдаров был одним из тех, кто сделал это состояние.

Через несколько лет он ушел в строительный городской бизнес. Здесь зарабатывались абсолютно невысказанные деньги, когда стоимость одного метра жилья была все рекорды роста в Европе и Америке. Халдаров вложил часть денег в гостиничный бизнес и в результате уже к тридцати девяти годам стал очень известным бизнесменом. Прежде чем поехать с ним на встречу, Дронго внимательно просмотрел все, что можно было найти в Интернете об этом бизнесмене. Отец у него был узбек, а мать казачка. В результате мальчик получился очень красивым. Высокого роста, тонкокостный, с правильными чертами лица. Серые глаза, доставшиеся от мамы, и черные волосы, полученные от папы, делали его похожим на голливудских актеров. Последний год Халдаров встречался с сестрой Игоря Дегтярева – Валентиной Лапесской, которая оставила фамилию своего первого мужа после развода. Стали даже поговаривать, что эти отношения достаточно устойчивые и скоро Халдаров поведет свою избранницу под венец.

Дронго договорился по телефону о встрече. Он приехал на Остоженку, где был офис бизнесмена, без десяти минут три. В огромной приемной все было явно рассчитано на то, чтобы произвести впечатление. Этакое сочетание византийской пышности с восточным богатством. Это был стиль мно-

гих нуворишей, пытавшихся таким образом психологически утвердиться. Многие из них, даже став миллионерами и миллиардерами, не до конца верили в случившуюся с ними метаморфозу, подсознательно считая, что рано или поздно все состояние снова отнимут и они вернуться к привычному образу жизни. Может, поэтому любой из новых богачей держал где-то в загорелом ящике некоторую сумму наличными, чтобы иметь возможность сбежать или пользоваться своими деньгами, когда все остальное отберут. Это была типичная психология «факиров на час».

Две молодые женщины находились в приемной. Они могли бы работать топ-моделями в любом модельном агентстве мира. Первая улыбнулась и, грациозно поднявшись, пригласила гостя в кабинет президента компании. Кабинет оказался еще больше. Отсюда открывался прекрасный вид на город. Халдаров прошел по роскошному ковру, встречая гостя у дверей. Он был в изящных очках, придающих ему еще более респектабельный вид. Пожав руку гостю, пригласил его на диван, сам усаживаясь в кресло напротив. Секретарь вышла из кабинета. Вторая появилась почти сразу.

– Чай или кофе? – спросила она у гостя.

– Чай, – попросил Дронго.

– Какой? Зеленый, с жасмином или без, обычный черный или китайский с розовыми лепестками?

– Можно зеленый с жасмином, – решил Дронго.

Халдаров с интересом разглядывал своего собеседника.

– Я много о вас слышал, – признался хозяин кабинета, – о вас говорили даже в Ташкенте. Вы помогли там найти террориста, который планировал взрыв рядом с президентским дворцом.

– Это было давно, – вспомнил Дронго, – и не так сложно, как вы думаете.

– У вас интересная профессия, – сказал Халдаров, – всегда мечтал стать следователем, обожал рассказы про комиссара Мегрэ. Но стал сначала банкиром, а потом строителем. Хотя по образованию я тоже юрист. Окончил Ташкентский государственный университет в девяносто первом году. Вот такое «роковое» совпадение. Я приехал в Москву, а здесь объявили ГКЧП. Думал, что придется возвращаться. Потом все наладилось, и я пошел работать в банк. А юристом так и не проработал ни одного дня.

– Вы жалеете об этом?

– Иногда да. Интересно распутывать сложные преступления, пытаться понять логику противника. Переиграть его, обнаружить слабые стороны. Очень увлекательно.

Секретарь внесла поднос с двумя чашечками чая. Хозяин предпочитал черный китайский с лепестками розы. Она наклонилась, расставляя приборы на столике. Взглянула на своего босса и улыбнулась. Он улыбнулся ей в ответ, кивнул, разрешая выйти. Девушка вышла из кабинета. В таких организациях секретари уже давно не носили откровенные мини-юбки или обтягивающие платья. Это считалось мове-

тоном.

– Вы знаете, почему я просил вас о встрече? – спросил Дронго.

– Да, – кивнул Халдаров, – мне звонил Игорь. Вы согласились ему помочь вытащить Виктора. Это очень благородно, но я думаю, что у вас ничего не получится. Хотя то, что вы приехали сразу ко мне, указывает на то, что вы считаете меня одним из самых главных подозреваемых.

– Пока не считаю. Где вы были в тот момент, когда раздался выстрел?

– Стоял под душем в своей комнате, – ответил Халдаров, – может, поэтому и прибежал последним, когда все уже там были. Мне даже повезло, что я не услышал их споров. Насколько я понял из разговоров, первым вбежал Игорь, за ним вернулся Виктор...

– Почему вернулся?

– Не ловите меня за язык. Он вбежал вторым. За ним вошли Дзидра и Валентина, которые сразу набросились на Виктора, обвинив его в убийстве. Они вам все равно правду не скажут, а я вам все расскажу. Потом туда прикатила Ольга Игоревна и ее сиделка. А я появился последним. Мокрый и счастливый, что не принимал участия в этой кутерьме. И все сразу обратили на меня внимание. Таким образом, у меня оказалось абсолютное алиби.

– Или имитация алиби, – возразил Дронго.

– Почему «имитация»?

– Вы могли выстрелить в Злату и пойти купаться, чтобы сделать себе алиби. Или просто встать под душ, времени у вас было много, ведь вы явились последним, как вы только что сказали.

– Понятно. Хорошо, что вы не английский следователь. Поэтому вы сразу пришли ко мне?

– Нет, – возразил Дронго, – просто остальные находятся в Великобритании, и я полечу туда после разговора с вами.

– Будем считать, что вы меня успокоили, – усмехнулся Халдаров, – хотя, по обычной логике, я действительно единственный подозреваемый в этой компании.

– Теперь мне интересно услышать ваше объяснение, – предложил Дронго.

– В доме было только двенадцать человек, – охотно пояснил Халдаров, – одна убита, другой арестован. Остается десять. Детей убираем. Восемь человек. Трое мужчин и пять женщин. Уберем еще Игоря. Он же не психопат, чтобы убивать подругу своего младшего брата, отправлять его в тюрьму, а потом приезжать к вам и просить найти убийцу Златы. Остаются двое мужчин и пять женщин. Женщины – это мать Дегтяревых, сестра и жена Игоря, их сиделка и кухарка. Выбор не очень впечатляет. Тогда двое мужчин. Один садовник, который мычит вместо разговора и из которого слова нужно вытаскивать клещами. Вряд ли он когда-нибудь вообще слышал о Злате Толгуровой или вращался в кругах, где она бывает. Кто остается? Ваш покорный слуга. Все пра-

вильно. Я знал Злату уже несколько лет, я единственный посторонний мужчина, который находился в доме на момент совершения преступления. И если бы на оружии нашли мои отпечатки пальцев, а не отпечатки пальцев Виктора, то меня бы арестовали не задумываясь. Сразу и навсегда. И мне пришлось бы искать адвокатов или обращаться к вам с просьбой меня вытащить. Все верно или я ошибся?

Он холодно усмехнулся и поднял чашечку с чаем. «У этого человека интересная логика и абсолютное презрение к людям», – подумал Дронго.

– Вы сказали об этом шотландским следователям? – уточнил он.

Халдаров улыбнулся. Ему понравился неожиданный вопрос гостя.

– Один-ноль в вашу пользу, – сказал он, – люблю остроумных людей. Нет, я им ничего не сказал. Зачем пугать этих несчастных шотландцев? Говорят, что сами англичане над ними смеются. Шотландцы более упрямые, более медлительные и более тупые, чем англичане. Не знаю, может, и так. Но я решил не проверять это на своей особе.

– Вы сказали, что знали Злату до того, как поехали туда на Рождество?

– Конечно, знал, – кивнул Халдаров, – а кто ее в Москве не знал? Она бывала на всех светских тусовках, на всех презентациях. Два года назад встречалась с одним из моих близких знакомых. Он даже машину ей подарил. Потом они расста-

лись. Хотя певица она слабая, об этом все знают, но женщина была очень красивая. Эффектная, стильная, умеющая себя подать. Она бывала обычно самой заметной женщиной на любой презентации, на любой закрытой вечеринке. Остальные даже не могли с ней соперничать. А потом она стала встречаться с Виктором. Я думаю, что им не нужно было встречаться. Слишком разные характеры. Виктор был всегда... как бы помягче сказать, не совсем уравновешенным человеком. Мог сорваться и такое выкинуть, что мало не покажется. А она тоже была дамочка с характером. Ну, вы знаете, как обычно бывает. Очень красивая женщина, масса поклонников, достаточно обеспеченная к этому времени, самостоятельная, она даже своих продюсеров два раза меняла. Могла и пять, ей было все равно. Для нее сценическая деятельность была не так важна. Они были очень разные люди, но Виктор любил красивых женщин. Я бы даже сказал, болезненно на них реагировал. Вы видели его в жизни?

Халдаров улыбнулся и продолжал:

– Когда увидите, все поймете. Его старший брат Игорь достаточно привлекательный мужчина. И пользуется определенной популярностью у противоположного пола. Всегда пользовался. Хотя он влюблен в свою Дзидру и не думает о других женщинах. В наше время еще встречаются такие мужчины, хотя все реже и реже. А Виктор был ниже его на целую голову, приземистый, коренастый, с вечно красноватым лицом и носом, сломанным в какой-то драке. К тому же

сказывалась и его неудачная первая женитьба. Понимаете, о чем я говорю? Мужчине очень важно быть победителем. Я имею в виду в отношениях с женщинами. Важно понимать, что ты можешь завоевать любую женщину.

Он сделал еще несколько глотков чая.

– Это сейчас я нравлюсь всем женщинам из-за своих денег, – добродушно продолжал Халдаров, – и четко понимаю, что они чаще видят не меня, а мой кошелек. Но в молодости, когда я только приехал в Москву и у меня не было ничего за душой, я тоже нравился женщинам. И знал, что могу завоевать любую из них. Такое чувство уверенности. Может, потому, что мой первый сексуальный опыт был в тринадцать лет. Меня совратила девочка из нашей школы, которая училась уже в десятом классе. А у Виктора, очевидно, первый опыт был неудачным. Может, поэтому он и женился. Я вообще против браков в девятнадцать лет. Когда женятся в этом возрасте – это делают люди, которые не имеют никакого сексуального опыта, – рано или поздно это скажется. Они либо разведутся, либо начнут искать удовольствия на стороне, либо станут просто чужими друг для друга. Или все вместе...

– Вы не верите в любовь?

– Я верю в животные начала в любом человеке, – охотно пояснил Халдаров, – секс, еда, вода, тепло, отправление естественных надобностей, деньги как инструмент власти, раньше была дубинка – в сущности, ничего не поменялось.

– Я знаю браки, где люди знакомятся с первого класса и

живут вместе всю свою жизнь, – заметил Дронго.

– Вы же не знаете, о чем они думают на самом деле, – цинично возразил Халдаров, – можете себе представить женщину, которая выходит замуж в восемнадцать лет девственницей и всю жизнь спит с одним мужчиной. Можно просто сойти с ума. О мужчинах я не говорю. Таких «экземпляров» почти не осталось. Он до свадьбы должен будет встретиться с кем-то еще. Чтобы иметь хотя бы начальный опыт. Если бы мы могли влезть в мозг людей, можете представить, какие картинки мы там увидели бы.

– Вам не говорили, что вы слишком цинично относитесь к жизни?

– Возможно. Но это моя форма самозащиты. Было бы глупо относиться иначе.

– Значит, вы знали Злату до того, как поехали туда?

– Конечно, знал. И неплохо.

– Я могу задать вам нескромный вопрос?

– Догадываюсь о чем, – усмехнулся Халдаров, – вы хотите спросить, спал ли я с ней. Верно?

– Да.

– Я мог бы не отвечать на ваш вопрос. Или соврать вам. Но я не стану этого делать. Именно потому, что я достаточно циничный и откровенный человек. И я точно знаю, что не стрелял в эту молодую женщину и не убивал ее. Поэтому я вам честно отвечаю. Да, я с ней спал. Но это было три с половиной года назад. Она тогда была уже достаточно известным

человеком, а я только начинал раскручиваться. Москва на самом деле очень небольшой город, и здесь все знают друг друга по привычной московской тусовке. Мы встретились, познакомились. Неплохо провели время. Но у нее уже тогда был сложный характер. И слишком завышенная планка требований. Она хотела все сразу: новую квартиру, бриллианты, машину, зарубежные поездки – в общем, полный комплект. Я не был к этому готов. И мы расстались.

– А потом вы узнали, что она встречается с Виктором?

– Нет. Она после меня встречалась еще с несколькими известными людьми. Даже с сыном одного нашего политика. Я могу назвать его фамилию, и вы мне не поверите. Но с Виктором она начала встречаться только в прошлом году.

– И вы полетели на Рождество к своей подруге, зная, что там будет Злата, которую привезет туда брат вашей знакомый. Это вас не смутило?

– Если вы окажетесь моралистом, то я сразу сойду с ума, – рассмеялся Халдаров, – мы живем в цивилизованном обществе. А одна из граней нашей цивилизации – это свобода. Свобода в выборе партнера и в выборе отношений. Конечно, я туда полетел, зная, что там будет и Злата. Ну и что? Почему я не должен был туда лететь? Только потому, что я ее знаю? Но это глупо. Я знаю и много других молодых женщин. Вы же эксперт и должны чувствовать, понимать людей. Я уж не говорю о вашем опыте. Разве вы ничего не знаете? На любой свадьбе, на любой даже семейной вечеринке всегда есть свои

секреты. Если проверить по-настоящему, то легко выяснится, что кто-то с кем-то спал. Просто это не принято афишировать. Сколько жен своих друзей мы соблазняем, сколько мужей своих знакомых, сколько родственниц в наших списках, сколько жен коллег, подчиненных, начальников и так далее. Это жизнь... Ничего не поделаешь. Так устроен человек. Неужели вы никогда не встречались с женщинами, мужья которых были вашими близкими знакомыми?

– Насколько я себе представлял подобные отношения, это всегда называлось подлостью, – холодно ответил Дронго, – я никогда не спал с женами своих друзей.

– Почему подлостью? – улыбнулся Халдаров. – Так устроен наш мир. Мне рассказывали про одного известного российского музыканта. Он несколько раз женился только на женах своих друзей. Вот такая непонятная страсть именно к «запретному плоду». Приходил к своим друзьям и соблазнял их жен. Потом, правда, женился. И никто не считал это особой подлостью. Все нормально. У человека должно быть право выбора. И поэтому я не видел ничего криминального в том, что полечу на Рождество к Валентине, чтобы встретить его в компании, где будет Злата. Если ее не волнует эта проблема, почему она должна волновать меня?

– И Валентина знала о ваших прежних отношениях со Златой?

– Вот здесь мы переходим к самому интересному, – поднял указательный палец Халдаров. – Об этом и нужно бы-

ло спрашивать с самого начала. Ведь формально я действительно был единственным посторонним мужчиной в доме. Садовник говорил, что он был на улице, когда раздался выстрел, хотя я его там не видел. Я даже выглянул в окно, думал, что там стреляют. Но если мы копнем глубже, то поймем, что подозревать нужно не меня и не этого туповатого садовника, а кого-то из женщин. Конечно, я не говорил Валентине о своих прежних отношениях со Златой. И Виктору не говорил. Я человек циничный, но не глупый. Зачем беспокоить людей такими ненужными откровениями?

Но у Златы была уже, как лучше выразиться, «устоявшаяся репутация». Многим был известен список ее знакомых, с которыми она появлялась в обществе. Знали об этом и женщины в семье Дегтяревых. Я бы на месте Виктора не стал приглашать такую женщину к себе домой и знакомить ее с матерью. Она у меня казачка, и разговор был бы недолгим. Она бы просто выставила Злату за дверь. И два дня, пока Виктор и его подруга были в доме, я все время ощущал эту напряженность. Можете себе представить, как реагировали на нее мать, жена Игоря и его сестра! По-моему, они все трое тихо ненавидели Злату. Особенно Валентина. Возможно, она узнала о наших с ней прежних отношениях. Сейчас в Интернете можно найти любую информацию. Люди совсем сошли с ума, они даже выставляют свои семейные фотографии на сайтах, печатают свои интимные дневники. Очевидно, это новая форма мазохизма. Может, они от этого полу-

чают удовольствие, я не знаю. Но допускаю, что Валентина могла что-то узнать. Или Злата могла ей что-то сказать. Валю буквально трясло, когда она видела свою гостью. Здесь, видимо, отчасти срабатывало и подсознание. Получалось, что Валентина ничем не лучше Златы. Понимаете, в чем дело? Конечно, разница огромная. Валентина состоятельная женщина, у нее два таких брата, ее муж был не самым бедным человеком. И она никогда не потребует у меня машину или квартиру. Но сам факт того, что она встречалась со мной после Златы, мог вывести ее из себя настолько, что, я боюсь, она была бы готова совершить это убийство.

– Вам не кажется, что это не совсем этично – подставлять свою знакомую таким образом?

– Нет, не кажется. Я с вами абсолютно откровенен. И хорошо знаю вашу репутацию. Вы сами найдете преступника. А из моего рассказа сделаете нужные выводы. Вполне вероятно, что в Злату стрелял кто-то из женщин. И не только эти три. Там была еще сиделка. Лилия. Я бы на вашем месте обратил на нее особое внимание. Особое.

– Почему?

– Не знаю, какой гонорар вам обещал Игорь, но половину вы должны отдать мне. Так будет справедливо, – рассмеялся Халдаров.

Дронго не поддержал его смеха, и тот умолк.

– Лилия – сиделка, которая приехала смотреть за матерью Дегтяревых, – пояснил он, – она молдаванка. Насколько я

знаю, восемь или девять лет назад ее дочь выехала на заработки в Югославию, и с тех пор о ней ничего не известно. Теперь представьте, как может Лилия относиться к таким женщинам, как Злата. Она, наверно, ее откровенно ненавидела, считая, что подобные подружки сбили с истинного пути и ее дочь.

– У меня возникает такое ощущение, что вы сами хотели провести свое расследование, – предположил Дронго.

– Конечно. Мне было интересно. И я долго над этим размышлял. Если убийца не Виктор, то кто тогда мог выстрелить в Злату? Он клянется, что не убивал, хотя я на девяносто процентов уверен, что стрелял именно он. Но я пытался размышлять, вычисляя другого преступника.

– Почему такой высокий процент уверенности?

– Я верю в английское правосудие, следователи Скотленд-Ярда не могут ошибаться, – подмигнул собеседнику Халдаров и снова рассмеялся, – один—один, – предложил он. – Дело в том, что накануне они серьезно поругались. Злата даже спрашивала меня, как можно уехать из замка. А у Виктора, как я вам говорил, был сложный характер. Наверняка вечером она опять наговорила ему гадостей. Тогда он и схватил этот пистолет. А потом выбросил его в окно. Если учесть, что на нем нашли только его отпечатки, то все сходится.

– На стволе, – напомнил Дронго. – Но их не было на рукоятке.

– Какая разница? – спросил Халдаров. – Пистолет упал в снег, было холодно, может, там не осталось других отпечатков. Хотя, наверно, они и не могли исчезнуть. Не знаю. Но точно знаю, что отпечатки подделать невозможно, и если там нашли пальцы Виктора, значит, он и держал этот пистолет в руках.

– И больше нет никаких версий?

– Я думаю, нужно объяснить адвокату, что Виктор часто бывал, как говорят юристы, в состоянии аффекта. Возможно, он в тот день сильно понервничал, перепил. Нужно сделать скидку на Рождество. Он выпил и был не в себе. Это многое объясняет.

– Если он был в состоянии алкогольного опьянения, то в Великобритании это не смягчающее, а отягчающее вину обстоятельство. Поэтому об этом лучше не вспоминать. И его плохой характер тоже может повлиять на вердикт присяжных.

– Я размышлял, как ему помочь. Жалко Дегтяревых, такой парень окажется в тюрьме.

– А Злату не жалко?

– Жалко, – кивнул Халдаров, – но она входит в «группу риска». Рано или поздно такие дамочки либо остаются одни, что бывает чаще всего, либо гибнут в глупых автомобильных авариях или в результате какой-то дикой выходки их спутников, что бывает довольно часто, либо выходят замуж и успокаиваются, чего почти никогда не бывает, если они не нахо-

дят альфонсов, которых нужно содержать. Такова жизнь, и за все нужно платить. Это не я придумал, так придумал кто-то на небесах.

– Только не считайте бога таким же циником, как вы.

– Гораздо худшим. Он все знает наперед, согласно логике наших религиозных деятелей. И допускает все эти несправедливости и преступления.

– Вы еще и богохульник.

– Я обычный атеист. Бога нет, это научный факт. А вот наше родство с обезьянами слишком очевидно. Животные инстинкты, которыми мы наделены. И с этим ничего не поделаешь. Вы же известный эксперт. Или вы тоже выступаете против учения Дарвина?

Дронго усмехнулся.

– Не ожидал встретить в этом кабинете такого рьяного защитника дарвинизма, – признался он.

Халдаров ударил себя ладонями по ногам и улыбнулся.

– Два—один, – убежденно сказал он, – в мою пользу. Вы все равно не сможете ответить. Если бог есть, почему я его не вижу? И почему он допускает столько несправедливостей? Почему он позволяет существовать сатане, своему падшему ангелу? А если его нет, то тогда прав старик Дарвин, и мы все немного животные. Вот такие здравые рассуждения.

– Борхес считал, что бог нарочно создал дьявола, чтобы предоставить людям право выбора, – ответил Дронго, – и каждый человек решает для себя сам, по какому пути ему

идти.

– Это схоластический спор, – возразил Халдаров, – а убийство слишком реальная вещь. У вас есть еще ко мне вопросы?

– Еще два. Когда вы собираетесь лететь в Великобританию?

– Примерно через неделю. Возможно, увижусь с Валеј. Даже вероятно, что мы поедем в их замок. Я не боюсь, что увижу там тень Златы. Я в такие вещи не верю. Наверно, я кажусь вам слишком категоричным, но таковы реалии времени.

– Нет, – возразил Дронго, – скорее слишком прагматичным. И это тоже, увы, реалии времени.

Дронго поднялся. Халдаров поднялся следом.

– До свидания, – сказал хозяин кабинета, – но вы не задали свой второй вопрос.

– Он из разряда нескромных, – ответил Дронго, – поэтому я и не решаюсь его задать.

– Неужели вы хотите спросить, спал ли я с Валентиной? – притворно изумился Халдаров.

– Нет. Я хотел узнать про ваших секретарей. Вы с ними тоже встречались? Или они только для изысканного «антуража». Одна из них мне очень понравилась...

Он произнес эту фразу невозмутимым голосом, глядя на реакцию своего собеседника. И увидел, как хищно улыбнулся хозяин кабинета.

– Два—два, – согласился Халдаров покачивая головой. – Да, я с ними спал. С обеими. Согласитесь, что было бы глупо держать рядом с собой таких красивых женщин и ни разу не воспользоваться своим положением.

– До свидания, – кивнул Дронго и пошел к выходу, не протягивая руки своему собеседнику.

Тот взглянул на чашку гостя. Дронго даже не притронулся к своему чаю. Халдаров пожал плечами и повернулся к своему столу.

Глава 5

Выйдя от бизнесмена, Дронго позвонил Игорю Дегтяреву.

– Я поговорил с вашим знакомым и компаньоном, – коротко сообщил он.

– Очень хорошо. У вас уже есть своя версия случившегося? – сразу спросил Игорь.

– После первого же разговора? Это было бы слишком самонадеянно.

– Но вы хотя бы составили свое мнение о случившемся?

– Пока я только разговариваю со свидетелями. И мне понадобятся еще два свидетеля, с которыми я должен побеседовать в Москве, прежде чем вылетчу в Шотландию.

– Не понимаю, о чем вы говорите? – удивился Дегтярев. – В Москве больше нет никаких свидетелей. Все, кто присутствовал в нашем замке, находятся в данный момент в Великобритании. Все, кроме меня и Нурали.

– Я говорю о двух важных свидетелях, которые не были в момент совершения убийства в вашем замке, но с которыми я обязательно должен встретиться и побеседовать перед тем как полечу в Гоффорд.

– Кто они?

– Бывший супруг вашей сестры и бывшая супруга вашего брата, – объяснил Дронго. – Мне кажется важным встретиться с ними и уточнить некоторые детали.

– Извините, но мне кажется, что это лишняя трата времени, – решительно заявил Дегтярев, – Валя давно разведена, уже больше десяти лет, а Виктор вообще развелся, когда еще учился в институте. Это больше шестнадцати лет назад. Он тогда еще совсем молодым человеком был. Зачем вам с ними встречаться и разговаривать? Что нового они могут вам сообщить? Они не имеют к случившемуся в Гоффорде никакого отношения. Абсолютно никакого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.